

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА СОЮЗА ССР

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

ГЕОГРАФИЯ, ЭТНОГРАФИЯ, ИСТОРИЯ

ВЫПУСК II

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1961

Б. А. Вальская

**ПУТЕШЕСТВИЕ АНДРЕЯ АРГЕНТОВА
НА СЕВЕРО-ВОСТОК СИБИРИ В 1851 ГОДУ**

В архиве Географического общества СССР сохранились неопубликованные выписки из путевого журнала члена-сотрудника Сибирского отдела Русского географического общества Андрея Аргентова. Эти материалы относятся к 1851 г., когда А. Аргентов находился на северо-востоке Сибири и по поручению Сибирского отдела Географического общества, помимо своих обязанностей, занимался сбором этнографических сведений, касающихся территории, расположенной к востоку от нижнего течения Колымы до мыса Шелагского. От мыса Шелагского А. Аргентов намеревался отправиться к о. Колючину и Берингову проливу, но по совету чукчей из-за рано наступившей весны отложил свое путешествие.

На территории Чаунского края, который в настоящее время входит в состав Северо-Восточной Якутии и Чукотского национального округа Магаданской области, А. Аргентов провел первую перепись чукчей. Свою работу он посвятил Географическому обществу. На основании переписи было установлено, что в Чаунском крае проживало 1393 чукчи, в том числе 714 мужчин и 679 женщин. Всего Аргентов переписал 355 семейств по их родам, отмечая при этом имена чукчей, их возраст и название урочищ.

Прожив среди чукчей 15 лет, с 1842 по 1857 г., Андрей Аргентов изучил их язык и составил словарь чукотского языка. В 1879 г. он передал этот словарь в Географическое общество. В кратких выводах к своей работе Аргентов писал, что словарь «послужит пособием к определению корня, от которого исходит чукотский язык, и к обозначению племенной расы, от которой происходят чукчи. И сдается мне, — подчеркивал автор словаря, — что надо будет покинуть мысль об американском происхождении чукчей»¹.

Выписки из путевого журнала Аргентова, которые мы здесь публикуем с небольшими сокращениями, были доставлены в Петербург в январе 1853 г. в копии деятелем Сибирского отдела Общества И. С. Сельским.

9 апреля 1853 г. председатель Отделения этнографии Географического общества Н. И. Надеждин на общем собрании познакомил чле-

¹ Архив Географического общества СССР (далее — АГО), разряд 64, оп. 1, № 31, 1879, л. 52.

нов Общества с материалами Аргентова. Надеждин отметил, что хотя странствования Аргентова «не представляют одной последовательной нити путешествия», но это «нисколько не ослабляет их занимательности и важности для землеведения, так как в крае, столь обширном и мало известном... посещение одних и тех же местностей в разные времена года, разных условиях и обстоятельствах, доставляет неистощимую жатву новых впечатлений, заметок и сведений». К тому же Аргентов, как отмечал Н. И. Надеждин, стремился проникнуть «все дальше и дальше на северо-восток, с твердо укоренившейся в нем мыслью пройти, наконец, весь так называемый Чукотский нос, во всю длину его до самого Берингова пролива»².

В протоколе общего собрания Географического общества отмечено, что сообщение Надеждина «было выслушано собранием с живейшим любопытством», так как в материалах Аргентова заключалось «много новых сведений географических и этнографических»³.

После этого собрания вице-председатель Русского географического общества М. Н. Муравьев обратился с письмом в Сибирский отдел Общества, в котором писал, что выписки из путевого журнала Аргентова, прочитанные на общем собрании, были выслушаны с живейшим любопытством, но возбудили «во многих членах общества и преимущественно в контр-адмирале Матюшкине, близко знакомом с описываемым краем, некоторые сомнения, для разрешения которых было бы весьма желательно получить подлинный дневник... Аргентова»⁴.

Ф. Ф. Матюшкин (1799—1872), лицейский товарищ А. С. Пушкина, в 1820—1824 гг. участвовал в экспедиции Ф. П. Врангеля для описи северных берегов Сибири на восток от р. Колымы до мыса Шелагского и для открытия неизвестной земли в северо-восточной части Северного Ледовитого океана. Экспедиция описала и произвела съемку побережья Сибири от устья р. Колымы до о. Колючина, окончательно установила разделение Азии и Америки Беринговым проливом и по расспросным сведениям нанесла на карту севернее мыса Якан остров, который в 1867 г. был открыт Лонгом и назван именем Врангеля. Летом 1822 г. Матюшкин самостоятельно описал бассейн рек Большого и Малого Анюя и пространство у Чаунской губы.

В 1851 г. путешествие Аргентова проходило по территории, исследованной Матюшкиным, поэтому и не удивительно, что этот выдающийся мореплаватель проявил такой большой интерес к его путевому журналу.

В августе 1853 г. Сибирский отдел Географического общества прислал точную копию дневника Аргентова, которая и была передана Матюшкину. В связи с этим 13 сентября 1853 г. помощник председателя Общества К. И. Арсеньев писал Матюшкину следующее: «По поручению совета Русского географического общества имею честь препроводить... 1) копию с подлинного дневника... Аргентова по Чукотской земле и 2) письма, полученные по поводу этого дневника секретарем Общества от заведывающего делами Сибирского отдела. Совет Общества покорнейше просит Вас, милостивый государь, обязать его рассмотрением этих документов и доставлением Вашего об них мнения»⁵.

Для того чтобы проверить «некоторые сомнения», Ф. Ф. Матюшкин составил подробную карту северо-востока Сибири от устья Колымы до Колючина и нанес на нее путь экспедиции Врангеля, приблизительный

² Там же, ф. 1, оп. 1, 1853, № 14, л. 22.

³ «Вестник Русского географического общества», 1853, кн. III, отд. IX, стр. 2.

⁴ АГО, ф. 1, оп. 1, 1853, № 14, л. 27.

⁵ Там же, л. 25.

путь А. Аргентова и географические названия, встречавшиеся в его путевом журнале. Особо отмечены на карте географические названия, вызвавшие сомнения у Матюшкина, например р. Кытеп-взем (на современных картах — Китапвеем), впадающая в Восточно-Сибирское море к востоку от мыса Большой Баранов, р. Равчу-взем (на современных картах Раучуа), впадающая в Восточно-Сибирское море к западу от полуострова Карчкык, и некоторые другие.

18 ноября 1853 г. на заседании совета Географического общества обсуждались замечания Матюшкина на путевой журнал Аргентова «вместе с особою, составленною им, г. Матюшкиным, картою, поясняющею возникшие по поводу означенной статьи недоразумения. Определено: 1. Изъявить г. Матюшкину искреннюю признательность Общества за исполнение возложенного на него советом поручения. 2. Прочсть в общем собрании и потом напечатать в Вестнике Общества как статью г. Аргентова, так и примечания к ней, составленные г. Матюшкиным, приложив и самую карту, последним сочиненную»⁶.

К сожалению, все эти материалы тогда не были опубликованы. Кроме выписок из путевого журнала А. Аргентова, мы публикуем также рукописную карту Ф. Матюшкина, хранящуюся в настоящее время в Отделе картографии Географического общества. Сопоставление по карте маршрута экспедиции Врангеля — Матюшкина с маршрутом путешествия А. Аргентова показывает, что он посетил и некоторые районы, не исследованные указанной экспедицией. Кроме интересных данных по географии этого отдаленного края (речная сеть, рельеф местности, граница лесной зоны), на карте обозначено расселение в низовьях Колымы русских, якутов, ламутов, юкагиров и чуванцев.

Выписки из путевого журнала А. Аргентова и карта Ф. Ф. Матюшкина представляют значительный интерес для истории географического исследования территории, расположенной по побережью Северного Ледовитого океана от Нижней Колымы до мыса Шелагского. Они дополняют сведения об этом крае, собранные экспедицией Ф. П. Врангеля и Ф. Ф. Матюшкина в 1820—1824 гг.

В выписках из журнала А. Аргентова даны яркие картины полярной природы. Особенно хорошо описаны сезонные изменения климата, а также растительного и животного мира. Публикуемые материалы имеют важное значение и для этнографии народов Северо-Восточной Сибири. Труды А. Аргентова по изучению Чукотского края были оценены его современниками. В 1879 г. за работы «Чукотский словарь» и «В приполярной полосе Якутской области» Русское географическое общество наградило А. Аргентова серебряной медалью.

Выписки из путевого журнала члена-сотрудника Сибирского отдела Русского географического общества Андрея Аргентова, веденного им в 1851 г. во время поездки по Чукотской земле

3 марта отправился я вверх по реке Малому Анюю и в третий день езды прибыл в Анюйскую крепостицу, где в марте бывает так называемая чукотская ярмарка⁷, на которую съезжаются русские, чукчи, юкагиры, ламуты, чуванцы, коряки, тунгусы и якуты. Чукчи сюда вывозят бобров, выдр, куниц, лисиц чернобурых и красных, песцов, клыки моржовые; ламуты — белок и соболей; русские — табак и железо в изделиях.

⁶ АГО, ф. 1, Протоколы совета Русского географического общества за 1853 г.

⁷ Начиная с 1788 г. анюйская русско-чукотская ярмарка проходила в селе Островном.

Говоря о пространстве земли между этой крепостицей и рекой Колымой, мне невольно пришла на мысль странная и непостижимая судьба человеческая. Еще недавно, во времена памятные, все пространство по Малому Анюю было очень населено, — там жило столько народу, что люди кишели, как муравьи. А теперь я проехал 250 верст и не встретил ни одной живой души, которая поведала бы мне чудную историю исчезнувшего народа. Племя это носило название омоков⁸, оно слыло сильным и богатым. Оленьи стада его были бесчисленны, и западные чукчи боялись своих соседей омоков. Теперь этого племени как не бывало, и самое имя его исчезло с лица земли навсегда. Осталось предание, что будто бы омоки бросили землю свою вследствие появления губительной оспы и бежали куда-то за море, но скорее надо допустить, что все племя это сделалось жертвой оспы, свирепствовавшей в конце семисотых годов, от пределов реки Анадыря до Камчатки. Юагиры, между прочим, еще рассказывают, что омоки во время какого-то народного праздника собрались на одном озере, во время игр лед проломился и народ весь перетонул, а олени их ушли за море.

С 16 по 19 марта я все время мое посвятил на сношение с чукчами... К 20 марта возвратился я в Нижнеколымск.

4 апреля в Нижнеколымск прибыл торгующий чукча Катто. Он рассказал мне, что в минувшее лето у чукотских берегов происходило морское сражение, каких наций были враждовавшие корабли, он не знает, и что там же и ныне зимуют чьи-то суда⁹.

18 апреля я должен был опять собираться в путь, но наперед посетил кладбище и отслужил панихиду о прежде отошедших за Веру и Отечество русских...

Оставив семейство свое святому провидению, я отправился на собаках в путь.

22 апреля меня на дороге настигла страшная буря, я насилу добрался до деревни Кабачковой, где и должен был по необходимости дневать.

23 апреля по правому устью реки Колымы выехал я на Ледовитое море. Мы были встречены ослепительным блеском лучей весеннего солнца, которые, отражаясь на этой бесконечной долине снега и льда, совершенно нас ослепили, несмотря на все предосторожности, принятые нами, я и спутники мои страдали сильным воспалением глаз.

Следуя по Ледовитому морю, 27 апреля прибыл я к церкви св. Николая в Чаунском приходе¹⁰. Я был очень обрадован тем, что нашел здесь все в сохранности и добром порядке, и принес мое благодарение богу. Для продовольствия моего и людей я должен был ехать на море с сетями, где нам и посчастливилось, мы поймали тюленя весом в два пуда пятнадцать фунтов.

1 мая... отправился в дальний путь на одной нарте, запряженной шестью собаками, и, следуя по морю, к востоку достиг острова Аеки¹¹.

⁸ Омоки — одно из юагирских племен. В XVII в. среди омоков вспыхивали периодические эпидемии оспы, которые привели почти к полному исчезновению населения.

⁹ В статье «Северная Земля» Аргентов сообщает, что в 1851—1852 гг. на зимовке в Колычинской губе стояло 160 американских китобойных судов. См. «Записки Русского географического общества», 1861, кн. 2, стр. 6.

¹⁰ Церковь находилась у устья р. Большой Баранихи (р. Раучуа).

¹¹ Здесь нельзя не заметить, что Ф. П. Врангель, посетивший эти пределы, как об острове Аеки, так и о других ничего не упоминает (прим. Аргентова). Это примечание Аргентова является ошибочным, так как в действительности экспедиция Врангеля описала и нанесла этот остров на карту под названием Сабадей. Современное название острова — Айон.

В следующий затем день была очень дурная погода, при сильном порывистом ветре шел большой снег, и сделалось темно. Переезжая остров Аеку, я совершенно сбился с тропы и долго блуждал по этой неведомой для меня пустыне. Несколько раз я обваливался в глубокие ручьи, заминаемый нартою, ушибался. Наконец, к совершенному моему несчастью, спускаясь по кочковатому косогору, я никак не мог управиться, при падении меня выбило из нарты, темляк вырвался из рук, собаки рванулись за оленем и убежали с нартою, оставив меня одного, разбитого и обессиленного. Отдохнув, я кое-как через силу пошел сам не зная куда, искать моих собак, и только поздно вечером нашел их в глубоком овраге, откуда они, перепутавшись, не могли выскочить. Вместе с собаками я тут и ночевал без огня и воды.

На другой день только около полудня ветер затих и солнце проглянуло из-за морока. За Чаунской губой показались скалистые утесы. Признав знакомую местность, я взял направление к востоку и северо-востоку и ехал сперва островом, а потом спустился в море.

Чаунское море изобилует нерпами мелкой породы, которые чукотски называются меймень. Весною, чтобы подышать свежим воздухом и подремать на солнце, они выползают из воды сквозь свои норы в великом множестве. Собаки мои, озадаченные сильным запахом этих животных и беспрестанно встречаая их на виду, взвыли и понеслись, как одичалые во весь скак. Колчатое прудило гремело, гнулось, глубоко бороздя и снег и лед, и наконец переломилось. Я подвергался большой опасности опрокинуться, разбиться о торос. Отчаянная езда продолжалась четыре часа. В это короткое время я обогнул острова Ругтан и Юругтан¹² и, проскакав более 60 верст, достиг Шелагского мыса.

Надо заметить, что такую быструю езду на собаках можно назвать необычайною. В Чауне и в Колыме обыкновенная езда на собаках от 5—8 и очень редко 12 верст в час. А так называемые паберды¹³ даже и хорошую езду делают медленною: ибо на пабердах много тратится времени понапрасну.

Прибыв на Шелагский мыс, я созвал почетных чукчей, угостил их чаем и табаком и объявил, что еду на остров Колючи¹⁴. Общий голос гостей одобрил мое намерение. «Мне нужен благонадежный проводник», — заметил я. «Найдем и проводника», — отвечали чукчи. И как было все условлено, то и положили мы наутро выехать в путь и держаться от Шелагского мыса к востоку.

Остаток дня и вечер употреблен на приготовление к моей отправке, а между тем я старался собрать предварительные сведения о предстоящей поездке. Но богу угодно было совершить все иначе. В то время когда я думал о далеком, интересном для меня острове, ночью потянул вешний теплый юго-восточный — восточный ветер. Снег, видимо, начал таять, и к утру в первый раз прилетели чайки, постоянные вестники шелагской весны.

Чукчи снова собрались ко мне и положительно объявили, что время для пути на остров запозднилось. Советовали исполнить предприятие в иное, удобное время. Когда же я по настойчивости стал возражать на их представления, чукчи, указывая на окружные утесы, говорили:

¹² Острова Большой и Малый Раутан.

¹³ Паберд — передышка в езде на собаках. В очерке «Нижнеколымский край» Аргентов пишет: «От Нижнеколымска до Ледовитого моря полагается 12 собачьих пабердов. Это значит, что когда едут на собаках — надо дать собакам отдохнуть 12 раз. Собачий паберд равняется примерно десяти верстам», — «Известия Русского географического общества», 1879, т. 15, вып. 6, стр. 439.

¹⁴ О. Колючин.

«Видишь утесы. Они вчера белели по-зимнему, сегодня заперстели по-весеннему, а за утро, если усилится наставшее тепло, зачернеют по-летнему. Сегодня появились чайки, завтра прилетят и гуси. Вода польется с гор, реки распялятся. Сендуха¹⁵ наполнится снежницею, вода разольется по льду моря. Мы, чукчи, в такое время не отправляемся в дорогу; воротись».

Такая убедительная речь склонила меня покориться необходимости. Я простился с чукчами, с большим прискорбием воротился назад и через ночь прибыл домой, не встретя на пути никаких особенных приключений.

Итак, в пять дней я на шести собаках проехал 310 верст и убедился в возможности сблизиться с самыми отдаленными чукчами...

11 мая на восьми собаках ездил собирать лес, нужный для построек к дому. Лес, как для отопления, так и для построек, здесь собирается наносный, выкидываемый волнами моря на берег. Годного бывает очень мало, да и доставка его чрезвычайно затруднительна. Вообще всякая пристройка обходится весьма дорого, потому что плотников надобно выписывать сюда за 350 верст и содержать их на свой счет в такой отдаленной безлюдной и бесплодной пустыне, каково прибрежье Ледовитого моря. Все это крайне убыточно и разорительно для домохозяйства.

13 мая я прибыл в лагерь чукчи Номуляна и произвел перепись обретающихся здесь инородцев. А (так) как Номулян хорошо знает местность и людей чукотской земли, то я и советовался с ним о намерении моем посетить отдаленный Берингов пролив.

Номулян одобрил мои мысли, просил сделать ему честь, взять его в провожатые хотя до Колючи, где, он говорил, есть у него много родственников.

По возвращении от Номуляна получил известие о выкочевывании на морской берег пяти юрт чукчей. Почему на другой день отправился в путь на моей шестерке и приехал в лагерь Камлельгиргина, где переписал местных чукчей и опять возвратился домой.

17 мая приехал посетить меня почетный чукча Ятиргин, сын Окко, и с ним двое его товарищей. Они только что выкочевали из лесов в намерении летовать на морском берегу. Чукчи эти у меня продневали. Вечером они отправились обратно, следуя на оленях, и я, пользуясь их спутностью, поехал на моих собаках.

На следующее утро мы прибыли в становище Омрувге, где и провели весь тот день ожидая ночи. Между тем на дневке переписал всех здешних.

В позднее время весны мы обыкновенно ездим по ночам на нартах, у коих полозья подбиты костями из китовых скул. Днем невозможно следовать: снег, размякнув от тепла, не поднимает ни собак, ни нарты.

19 мая ночью я прибыл к чукчам в лагерь Ятиргина. Родович сей, сын Окко, но, кажется, смешанного происхождения. Его рост высокий, нос длинный, лицо продолговатое, глаза же и выдавшиеся скулы совершенно монгольские. Рассказывают, будто мать его была природная русская, взятая чукчами в плен. Соседние чукчи, чуванцы, юкагиры и сами русские почитают Ятиргина человеком добрым, гостеприимным, скромным, благоразумным. Он имеет большие стада оленей и на своем иждивении содержит до 50 человек бедных чукчей и других инородцев, и все им довольны.

¹⁵ Сендуха — место привала чукчей в пути.

На прощание собрались ко мне здешние выпить чаю и покурить табак, и послушать, и поговорить. Я объявил о намерении моем посетить самые отдаленнейшие места чукотской земли и просил их мнения и совета. Сын Окко, вступив со мной в разговор, отвечал, что предки его — отец, дед и прадед — кочевали далеко отсюда, что и сам он довольно знает и отдаленные места, и отдаленных людей, что там далеко, и здесь близко — одна чукотская земля, и что там и здесь один народ — чукчи. При этом Ятиргин не только не отклонил меня от моего намерения посетить далекие места чукотской земли, но даже обстоятельно рассуждал со мной: когда и как бы лучше отправиться к людям неизвестным, в край неведомый. Одно обстоятельство беспокоило его: «Велика чукотская земля, — говорил он, — поехавши далеко, увидишь людей добрых, повстречаешься, может быть, и с худыми. Сам подумай обо всем».

Простившись с чукчами, в ночь на 20 мая отправился я домой. Топушие разлоги, частые озера, крутоберегие ручьи, быстрые реки я переезжал через, выбирая дорогу самую прямую, и все это 20 мая еще было покрыто снегом и льдом. И путь был гладок, как скатерть. Нарта, подбитая костями, катилась плавно. Собаки мои по крепкому насту бежали рысью или неслись большую часть в скак и поднимали с проталин бесчисленные стада гусей, лебедей и другой прилетной дичи.

Солнце не сходило с горизонта и, ярко светя во всю ночь, высоко катилось по ясному небу. Безумолкный и разнообразный крик птиц, сливаясь в странный, громкий хаос звуков, составлял как бы праздничный хор певчих, которые пели гимн в честь Чаунской весны!..

Олени табунами ходили по отлогостям гор, выбивая копытами обильный мох, которым они питаются. Песцы и лисицы лаяли как-то особенно и, играя подле нор своих, бегали повсюду. Я давно не помню такого приятного путешествия, меня даже не клонило ко сну. Но вспомнить не могу минувшего декабря, когда здесь же все было мрачно и мертво; тундренный вихрь с метелью ревел по безбрежной пустыне, а пурга заживо погребала под свои снежные покровы. Холод был таков, что превышал силы и терпение человека. От стужи я в то время совершенно оцепенел, сердце дрожало и жалось, мне казалось, что вот один миг — и я замерзну... А теперь в этой самой пустыне я не мог налюбоваться возвращением весны. И здесь первенцы ее, стелющиеся тальники, уже распушались и наполняли воздух своим благоуханием. К утру я задремал. Ободневало, и солнце сильно парило, собаки и нарты начали проламываться в рухлый снег, путь становился труден. Но, к радости моей, дом мой был уже близко, высоко поднятый полосатый ветромер реял на виду. Меня ожидал жилой наслег¹⁶, спокойный и теплый, — высокое блаженство, понятное только для путешествующих по арктическим пустыням.

21 мая чаунский родоначальник (эррем)¹⁷, сам четверт, прибыл ко мне на свидание и объявил мне, что он с некоторыми своими родичами намерен летовать неподалеко от церкви, за рекою Оррикоольвем¹⁸, и просил меня приехать к нему в гости.

Родоначальник этот по имени Омравбургин, человек уважаемый и благоразумный. Его отец Ятиргин, а дед Валетко. Ятиргин имел разные знаки монаршего благоволения, а Валетко в 1812 г. на Чауне исхитил из рук убийц и спас от преждевременной смерти протоиерея и миссионера Слепцова, когда чукчи, надев на себя волчьи шапки, с копьями

¹⁶ Наслег — административно-территориальная единица в Якутии.

¹⁷ Эррем — глава патриархальной семьи оленных чукчей.

¹⁸ Р. Козьминка, впадает в Восточно-Сибирское море, к востоку от р. Раучуа.

в руках, толпою окружили безоружного старца, они хотели убить его, чтоб принести в жертву земле.

Проводив гостей, вечером 21 мая я запряг своих собак и отправился по морскому берегу к западу, для осмотра леса, нужного мне на постройку служб. Снег от дневного тепла размякнул и не подымал ни собак, ни нарты, но скоро занестило его, и путь сделался удобным. Приехав на берег, увидел, что халуй¹⁹ еще толсто покрыт убоем²⁰ и из-под снега не видно было леса.

23 мая, поздно вечером, воротились мы с моря, на котором провели 25 часов, и осматривали наши нерполовные сети. К нашему несчастью, случилась сильная оттепель и ночью неподстыло. Здесь это первая ночь без мороза. Собаки обезножившись не могли идти, мы посадили их на нарту и до берега везли на себе, а сами брели в слякоти по колено.

27 мая я снаряжился повидаться с чукчами и отправился в путь. Со мною были: нарта, лодка и собаки. Первые сутки я местами шел, местами плыл... На другой день точно таким же образом подвигался вперед до самых полдень. За рекою Оррикооль-взем уже забелели чукотские юрты, и по отдаленным возвышенностям запестрели подвешенные табуны оленей. Но путь до того сделался затруднителен, что я решил возвратиться назад. Итак, бросив нарту и лодку, обессиленный, я кое-как, в страшном изнеможении прибред домой, скружив 60 верст тяжелого пути и не сделав ничего полезного.

Во время последней поездки мы питались свежим мясом дичи и яйцами полевых птиц. Хорошая пища оказала благотворное влияние на наше отошало тело, а до того мы, равно как и наши собаки, ели противную нерпиху.

31 мая я опять должен был отправиться в путь. Сначала мы плыли в лодке по реке Равчу-взем и по смежному с ней морскому заливу, а потом шли пешком к востоку по морскому припойку до реки Оррикооль-взем.

1 июня по льду перешли реку Оррикооль-взем и поворотили от моря направо, в горы. Следуя по направлению к Чаунским утесам, через 10 верст ходьбы, нашли мы первых чукчей. Составив перепись здешним и взяв с собой благонадежного проводника, прибыл к родоначальнику Омраввургину. После сего я посетил еще два стойбища чукчей, состоящих в Чаунском, Николаевском приходе.

5 июня воротился назад обратно и реку Оррикооль-взем перешел по льду. От этой реки следовал я по морскому припойку и большей частью пешком перебродил оглубелые ручьи, стремящиеся от весеннего половодья. При переправе через один такой ручей рыхлый лед рассыпался под моими ногами, и я провалился в холодную быструю воду. При этом неприятном приключении подмок мой походный архив, и мы утопили последнюю нашу пищу: стегно оленины и 15 лебединых яиц, данные нам про запас чукчами. После этого опять довелось нам есть противную нерпиху. Добравшись до морского залива, смежного с рекою Равчу-взем, сел на лодку и благополучно прибыл домой.

В верховьях реки Глинянки²¹, впадающей в Равчу-взем, слева, в пяти верстах от устья, кочуют бедные ламуты. К ним я отправился пешком 7 июня. С великим трудом и опасением пробираюсь по ледяной почве топучих мхов, грязных львов, мокрых холмов, скользких отгорий. От такого пути я изнемог, утомленный усталостью, я искал сухого ме-

¹⁹ Х а л у й — наносный лес, выбрасываемый морем на берег.

²⁰ У б о й — затвердевшая поверхность снегового покрова.

²¹ Р. Куулькай.

ста, где бы можно было отдохнуть и перевести дух. Но напрасно я искал сухого клочка земли, вся тундра взялась зыбуном, я должен был отдыхать стоя, опершись на палку, а между тем грязь и холодная вода сочились из-под ног моих.

Ламуты приняли меня в своем подвижном легком доме, сшитом из дымленой замши... Когда мне нужно было отправиться обратно, то они поднесли мне три оленьих языка и дали в провожатые двух стрелков; один был вооружен винтовкою, другой — луком. И точно, они оказались знатоками своего дела — на глазах убили тундренного быка наповал и, по их обыкновению, мне, как гостю, из промысла, уделена паевая часть.

18 июня казалось, что все море очистилось; легкая зыбь колыхала синюю поверхность необозримых вод Ледовитого моря. Попутный ветер вызвал меня на мое служение. Я сел в гребную лодку, украшенную нарядным значком, и отправился к чукчам, держа курс к западу. Но спокойное плавание продолжалось не более четырех часов. Торосы, которых с берега вовсе не было видно, по удалении от пристани начали показываться все гуще и гуще. Наконец мы достигли такого места, где море стояло по-зимнему, не тронувшись и где чукотские нерполовы спокойно разъезжали взад и вперед на своих оленях. Я воротился назад.

9 июля я снова отправился водяным путем, мы поплыли по Ледовитому морю на восток. В это время по берегам линяет водяная птица. Собаки наши, бежав по песчаному берегу, гоняли большие стада гусей-гуменников; тысячи этих птиц не могли подняться, спешили укрыться туда, где мох был гуще. Вслед за собаками пошли и мы, покинув лодку, причаленную к замоине. На этот раз поймали сорок гусей. Несмотря на такую богатую добычу, мы, однако ж, не рады были ей и много каялись в легкомыслии и оплошности.

Покуда мы гонялись за гуменниками, внезапно потянул юго-восточный ветер. Вода запала, и отменный берег обсох на значительное пространство. С полторы версты волокли мы до фарватера тяжелую лодку. В морской слизи мы вязли, и я выбился из сил. На плавеже, весь мокрый от сырости и холода, я еще более обессилел, так что на ночлег к огнищу, с пристани привели меня под руку.

Ввалившись в устье реки Оррикооль-взем, мы вытащили лодку на берег, отправились в горы пешком и пришли к старику Рилькутэт. Все здешние разошлись, кто в табун пастишить оленей, кто по рекам и озерам гонять линялых гусей. Последних бывает в эту пору такое множество, что ими запасаются на всю зиму. В становище домовничала одна чукчанка-старуха. Она приняла нас, вытерла деревянный огонь, сварила бок оленины и, накормив нас, позвала ночевать в ее юрте...

15 июля пришел я к Акугве. Здешние уже отправились в поход за линными гусями и вышли из юрт, когда я приблизился к их жилищам; и как тракт их был один и тот же, вместе со мною, то я пошел с ними в становище Рилькутэта...

16 июля от Рилькутэта пришел к устью реки Оррикооль-взем, спустил лодку на воду и по Ледовитому морю доплыл до церкви св. Николая.

Таким образом прошло в дороге 8 дней. По Ледовитому морю я проплыл 60 верст, по тундре пеший прошел 95 верст, и всего пути совершил 155 верст...

24 июля стояла чудесная ясная погода, ветер был попутный, тишь совершенная. Я спустил лодку на море и отправился в путь, держа курс к западу. Через два часа... начали попадаться льды, которые потом сде-

лались гуще. Однако лодка неприметно удалялась от берега, извилистым путем, все шла вперед. Я пробирался между плавучими островами льдов, меня оттянуло в море верст на 15. Земля едва синелась в моих глазах. Между тем сделался штиль, и запад задернулся черными полосами, впереди видны были одне непроходимые гряды возгроможденных друг на друга торосов, к берегам образовалась стена неподвижных льдов.

Я поворотил назад и, лавируя, искал какого-либо ущелья, чтобы пробраться к земле. Но было поздно; в одно мгновение все изменилось. Налетел оглушительный ураган, море запенилось, и грозно закатотали волны, разбиваясь о торос, от веков пожелтелый. Мы побросали в море весь бывший у нас тяжелый груз, а вместе и наших собак, которые в моем же виду еще живыми были выкинуты на льдину. При неопытности нашей, я совершенно растерялся и не знал, что нам делать. Мы подняли маленький парус, и нас понесло по направлению бури. При совершенной мгле лодку нашу бросало из стороны в сторону, она беспрерывно билась и шаркалась об лед и от колебания так наполнилась водою, что едва успевали отливать ее. Наконец неистовым порывом бури сорвало парус, повернуло лодку боком и, бросив на прибрежный бурун, затопило ее. Мы погибали... Так называемый девятый вал (звянча) прикатился и выбросил всех нас на морской приплесок живыми. Таким образом я совершил 60-верстный путь, самый трудный, самый опасный и самый бесполезный.

Когда я рассказал чукчам об опасности, в которой мы находились, то они в ответ говорили мне, что во время бури никогда не следует искать земли, а следовало вместе с лодкой взобраться на торос и, сидя на нем, спокойно ждать окончания непогоды.

26 июля мне опять должно было плыть в лодке по Ледовитому морю, я направился к востоку и достиг пролива²², которым остров Аека отделяется от материка. Здесь имел свидание с чукотскими пастухами. Пролив этот в своей западной конечности простирается верст на шесть. В малую воду его можно перебродить. В 1844 году я перешел его дважды, впрочем, не без страха и хлопот. Вязкий грунт иловатой почвы по окраинам обеих сторон, излучистые борозды неровного дна, широта пролива и холодная температура едкой морской воды тогда очень затрудняли меня, особенно когда лошади пошли вплавь и на выходе стали вязнуть в глубокой грязи. Теперь я здесь спокойно плавал на лодке.

Из пролива, воротясь назад, отыскиали мы речку Утту-взем, которую вчера за отдаленностью и мглою не могли приметить. При устье этой речки мы построили юрту на том самом месте, где в 1850 году в декабре месяце я чуть не погиб от жестокости здешних невыносимых морозов.

В начале августа я дважды покушался плыть морем к западу и дважды видел неудачу в этом предприятии. 12 августа в третий раз отправился по водам Ледовитого моря. Погода стояла благополучная. Льды хотя и попадались, но важных столкновений не было, мы пробирались извилинами и вечером того же дня вышли в устье реки Романовой.

13 августа, лавируя около ледяных островов, достигли реки Кытэп-взем. Вытащив на берег лодку, я отправился в горы отыскивать чукчей. Долго блуждал я по пустыне, но никого не встретил. Между тем пал морской туман, и настала холодная ночь. Трава от инея совершенно

²² Малый Чаунский пролив.

побелела. Усталый, я расположился ночевать у холма, но сон не смыкал глаз моих. Мне пришло в голову испытать призывный чукотский сигнал. Я начал подражать крику ворона, обожаемого этим народом. Громкое эхо далеко вторилось в тиши, но отклика не последовало. Мне сделалось робко. Я замолчал. Мертвая тишина снова водворилась. Закутавшись в дорожный плащ, я терпеливо дожидался утра, но сон не приходил: сырость, голод, холод и усталость возбуждали во мне неприятные ощущения. На сендухе становилось за полночь. Вдруг на болоте послышался шорох и показалась движущаяся тень. В туманной ночи трудно было разглядеть, человек ли это идет или крадется медведь. Привстав тихо на ноги, я послал дорожную собаку, чтобы разрешить мое недоумение. Надежда и страх колебали меня, но скоро я был усвоен, послышался крик человека. Это был ночной пастух, отыскивавший меня по сигналу.

С 14 на 15 августа я прибыл в становище Етувге и Ятиргина... Воротясь к устью реки Кытэп-взем, спустил лодку на море и вечером плыл вперед дотемна, держа курс к западу... Обогнул мыс (высокую скалу), известный под именем «Большого Баранова». Здесь со мной случилось небольшое происшествие.

Были полдни. Льды отдалились, стояло тихо, море не колыхалось. Мы огибали Большой Баранов; огромное морское животное, футов в 18-ть, протянувшись вдоль узкого припайка, дремало у подошвы скалы²³. Я полагаю, что это отвалившийся камень. Вдруг мнимый камень, зашевелившись, ринулся в море. Круговая зыбь еще не уходилась, как чудовище снова показалось, фыркая и уставя на нас свое щетинистое рыло. Лодка потеряла равновесие. Дерзкое любопытство зверя увеличилось, он делал всплески и, казалось, этим решил затопить нас. Только после трех выстрелов винтовкою мы отделались от этой неподвижной опасности.

В бухте, по западную сторону Большой Барановой скалы, вытащив на берег лодку, пешком отправился в горы к чукчам, в становище Номуляна, Елавге, Гивэвтегена... Последний проводил меня до морского берега, и я с ним приплыл к речке Тайной. Здесь мы разложили огонь и ночевали.

19 августа вместе с чукчею отправился в горы поискать старика Вакатиргина, но он укочевал. Мы видели его юртовиче и полозницу аргиша, запорошенную снегом, и, не рассудив гнаться за ним, воротились к стану. Отсюда проводник мой, простясь со мною, пошел домой, а я, следуя далее, приплыл в бухту, где стоит крест со следующей вырезною надписью: «1787-г. июля 12 поставлен сей крест, морской секретной экспедиции начальником флота капитаном Иосифом Биллингсом, при сем берегу судами»²⁴.

Не в первый, помнится, а в пятый раз я вижу этот крест и читаю эту надпись. Биллингс первый из русских благополучно в духе мира прошел всю Чукотскую землю, чего никто другой по ныне не мог сделать. Что же касается до его плавания по Ледовитому морю, то он был здесь не вовремя. 12 июля лед на море стоит или по-зимнему непо-

²³ Огромное морское животное, вероятно, из породы китов-горбачей, которые летнее время проводили в морях Северного Ледовитого океана. Полностью истреблены.

²⁴ И. И. Биллингс — начальник географо-геодезической экспедиции 1785—1793 гг., снаряженной для исследования Северо-Восточной Сибири и Алеутских островов. В этой экспедиции принимал участие и Г. А. Сарычев. На одном из притоков Колымы экспедиция построила парусные суда «Паллас» и «Ясашна». Попытка Биллингса на «Палласе» пробиться во льдах и обойти Чукотский полуостров закончилась неудачей. В 1791—1792 гг. И. И. Биллингс совершил путешествие по Чукотке на оленях, в результате которого была составлена карта Чукотского полуострова и его описание.

движный, или густо плавают огромными массами, преграждая путь от-
важному путешественнику. Вот существенная причина неудачи Бил-
лингса в его секретной экспедиции по Ледовитому морю. В августе,
когда льды частью растаивают, частью от волнения и взаимного тре-
ния размельчаются и редуют, тогда экспедиция в своем предприятии
могла быть счастливее. При рассуждении об этом предмете надобно
иметь в виду еще одно важное обстоятельство. В некоторые годы, по
летам, на здешнем море льдов совершенно не бывает. Отплывают ли
они на запад Северного океана, или деваются в иные места, неизвес-
тно. Такие годы не весьма редки. В течение десяти годов при мне это
случалось дважды.

Здесь осталось предание, будто бы г. Биллингс, распечатав в этой
бухте какой-то пакет важного содержания, произвел пальбу из орудий
и скомандовал обратный марш на Колыму.

Из Биллингсовой бухты приплыл в Медвежью речку. При подходе
к берегу со мной случилось происшествие. Зыбью так протащило нашу
лодку по мелкому каменику, что сделалась течь и она осела, но берег
был близко и вода не глубока, мы спаслись.

От Медвежьей речки приплыл я к 21-му августу к маяку лейтена-
нта Лаптева, а отсюда по реке Колыме прибыл в первую русскую дерев-
ню Кабачково. После диких чукчей очень приятно было возвратиться
к своим. Один дряхлый старик-моряк, подойдя ко мне, говорил дрожа-
щим голосом: «Отец, таких священников здесь не бывало. Ты лейте-
нант-священник!»

В это последнее путешествие, за пятнадцать дней, я пешком по
тундре прошел 185 верст, водою сделал 375, а всего пути совершил
560 верст...

4 сентября мне снова должно было отправиться в путь, и я поплыл
вверх по реке Большому Анюю. Селение у Двух Висок становилось
близко, я слышал лай охотничьих собак и после большой усталости
мыслил о русском гостеприимстве. Но в одно, можно сказать, мгнове-
ние с бурного запада налетели черные тучи, повалил густой снег, сде-
лалась такая вьюга, об которой в других летах Сибири не могут иметь
и понятия.

До селения оставалось менее полуверсты, но снег завалил нас, и
четыре дня мы должны были лежать под ним, чтобы не замерзнуть
на пустыне и безлюдье. В это время окрестные озера и ручьи замерз-
ли, а по реке Анюю понесло шугу. Пурга не затихала, и снег падал,
как скоро подходили тучи. Наконец, горько натерпевшись, мы на пя-
тый день вышли из нашего логовища, подстегнули собак, запряглись
в лямки и бечевой повели заплескиваемую лодку вниз по реке, в об-
ратный путь, и возвратились в Нижнеколымск.

16 ноября из Нижнеколымска я приехал в деревню Походскую,
отсюда к урочищу Дироватому, где за бурю дневал. Отсюда, следуя
по морской щетке, прибыл к маяку лейтенанта Лаптева²⁵, построенно-
му, кажется, в 1734 году и поныне еще не разрушившемуся; здесь на-
шел я первых чукчей и с ними ночевал.

²⁵ По поводу этого маяка Г. Я. Седов в письме из устья р. Колымы 25 июля 1909 г. писал следующее: «...Южнее мыса Медвежьего около 36 верст, стоит мрачный с виду маяк Лаптева, он весь уже зарос травой и почернел. Маяк деревян-
ный рубленый, имеет форму 4-гранной усеченной пирамиды с высотой около 42 фу-
тов над основанием. Надписей на нем уже никаких не видно, но ему, кажется, уже
около 170 лет и еще бог знает сколько простоят. Ширина его у основания 7 аршин.
Но поставлен он относительно теперешнего бара совсем не на месте, ужасно далеко
и в стороне, не знаю, чем тогда руководствовался Лаптев. Может быть, так сильно-
бар теперь переменялся».

От маяка поехал по Ледовитому морю и достиг Медвежьей бухты, где возникшая снежная пурга задержала меня почти сутки. Следуя далее по морю, 20 ноября был достигнут свирепым ураганом, заблудился во льдах и 17 часов пробыл в пещере, образовавшейся под вековым торосом. Когда же утих невыразимый морской гул бури и мгла разрядилась, я с ужасом увидел, что лед, взломанный бурей, уплыл в безудержную даль и пещера моего спасения, готовая обрушиться, находится на зыблющейся окраине взволнованных вод... Кое-как мы вышли из пещеры и приехали к скале, известной под названием «Большой Баранов», а по-чукотски Ралява. Росол и торосы очень затруднили этот переезд, собаки, обессилев, не могли вести нарту, и я целые сутки шел пешком.

22 ноября при реке Крестовой нашел два семейства чукчей, у коих и ночевал. Река эта названа Крестовой потому, что при устье ее найден был крест. Я его рассматривал, он сделан из огромной ливьяни, но когда-то упал. Я рассмотрел на нем русские буквы С-Г-Ш, и не более. Принимая в основание свойства здешнего климата и гнилость дерева, я полагаю, что кресту этому есть за 200 лет. Не Дежнев ли поставил этот крест? Что же касается до Шалаурова, то памятники его, сколько я видел, не так гнилы. Во всяком случае это только одна догадка. 7 декабря от утеса Чава-кэиты я ехал к юкагирам на устье Пахлявэем и отсюда следовал сперва по Чаунскому морю, а потом поднялся на землю и ехал волоком.

11 декабря по тундрам пронесся ураган. Мгла густо облегла пустыню, небо померкло, воздух потемнел, собаки отказались от повиновения, они свертывались в клубок и ложились на дороге, не принимая даже пищи. По крайней необходимости я выкопал себе яму и пятьдесят часов пролежал в моей снежной могиле. Когда же стихла буря, я вышел на свет и по глубокому снегу едва дотащился до церкви св. Николая...

В последний день 1851 г. минуло 18 месяцев, как я нахожусь в Чаунской пустыне... В последний 1851 г. я пешком прошел до 700 верст, водою проплыл столько же, на собаках проехал более 3690 верст, а всего пути по арктическим пустыням Чауна и по Ледовитому морю совершил пять тысяч девятьсот верст...

Местные наблюдения

В 1851 г. первую чайку заметили у скалы Малый Баранов 24 апреля. На Шелагском мысе они явились 4 мая, а у церкви св. Николая— 8 мая. Первого гуся у этой церкви видели 23 апреля, но потом до 6-го не видно было ни одного из них.

Первая горбоносая утка прилетела 6 мая, а журавель и кулик— 11 мая. Первая гагара явилась 19 мая. Шмели ожили 18 мая. Самый густой прилет лебедей и гусей последовал между 17 и 20 мая. Водяная птица несла яйца преимущественно от 21 мая по 2 июня.

По реке Равчу-вэем, при которой стоит церковь, вода сверх льда прошла 22 мая. Наледь на ней стояла до 31 мая. Через реку Оррикооль-вэем, от церкви к востоку 25 верст, 5 июня я пришел еще по крепкому льду.

Гуси на зимовку полетели с 15 августа, чайки— с 24 августа, а лебеди— с 1 сентября.

Первый дождь у церкви выпал 14 мая— был непродолжителен и кончился снегом. Гром в течение лета я слышал только однажды, и удар его был очень тих.

Солнце при устье реки Колымы, у маяка лейтенанта Лаптева, 17 ноября едва всходило в полдень, показавшись одним краем, а 18, несмотря на ясное утро, оно уже вовсе не взошло.

При устье реки Чаун 25 ноября солнце еще показывалось, 28 уже не всходило. В Нижнеколымске солнце, вступая в знак Козерога, впервые показалось 25 декабря в полдень, и то только одним краем.

26 декабря в Нижнеколымске видимо было полное затмение луны. Это случилось в полнолуние, когда она на нашем горизонте зимой бывает в таком виде несколько дней сряду. Во время затмения луна находилась между востоком и севером, поднявшись на 22—25 градусов. Погода стояла совершенно ясная и тихая. Солнце закатилось. Это было в начале 4-го часа. Сперва начал меркнуть тот край луны, который был обращен к северу, затмение продолжалось часа четыре и кончилось довольно спустя после потуха вечерней зари.

Список печатных трудов Андрея Аргентова

1852

«Новые сведения о чукчах», — «Вестник Русского географического общества», 1852, ч. 2, стр. 143.

1857

«Описание Николаевского Чаунского прихода. С прибавлением о существовании земли и людей на Ледовитом море, в северо-западной стороне от острова Колючи», — «Записки Сибирского отдела Русского географического общества», 1857, кн. III, стр. 79—106.

«Путевые записки священника миссионера А. Аргентова в приполярной местности», — «Записки Сибирского отдела Русского географического общества», 1857, кн. IV, стр. 1—59.

«Статистические сведения о прихожанах Спасской церкви в Нижнеколымске, относящиеся к 1855 году и составленные до народной переписи. Статистические сведения о Нижнеколымске 5—20 января 1850 г.», — «Записки Сибирского отдела Русского географического общества», 1857, кн. III, стр. 19—21.

1859

«La paroisse de Tschaun (province d'Jakoutsch)», «Extraits des publications de la Société Géographique de Russie», 1859, pp. 345—347.

«Извлечение из путевых записок А. Аргентова», — «Амур», 1860, № 14 и 15.

«Извлечение из путевых записок», — «Прибрежье Ледовитого моря» — «Журнал министерства внутренних дел», 1860, ч. 42, № 6, стр. 18—22.

1861

«Северная Земля», — «Записки Русского географического общества», 1861, кн. II, стр. 1—34.

«О полярной Северной земле» (из путевых записок), — «Амур», 1861, № 67 и 68.

1863

«О полярной экспедиции, предпринимаемой доктором Гайесом», — «Записки Сибирского отдела Русского географического общества», 1863, кн. VI, отд. II, стр. 1—6.

1870

«Северное сияние, бывшее в Верхнеудинске 24 марта 1870 г.», — «Известия Сибирского отдела Русского географического общества», 1870, т. I, № 1, стр. 32.

1876

«Заметка о Ледовитом море», — «Известия Сибирского отдела Русского географического общества», 1876, т. VII, № 2—3, стр. 125—126.
«Очерки Нижнеколымского края», — Сб. газ. «Сибирь», 1876, т. I, стр. 387—396.

1879

«Нижнеколымский край», — «Известия Русского географического общества», 1879, т. XV, вып. 6, стр. 433—451.

1887

«Пятнадцать лет в Нижнеколымском крае (1843—1857)», — «Сибирский вестник», 1887, № 58, 78 и 84.

**Список рукописей Андрея Аргентова, хранящихся в архиве
Географического общества СССР**

«Первая народная перепись чукчей, населяющих Чаванский край», 1850, р. 64, оп. I, № 32, 28 листов с приложением трех писем в Русское географическое общество.

«Метеорологическая ведомость, служащая к определению климата в Нижнеколымске», 1848—1851, р. 102, оп. I, № 368, 1 л.

«Выписки из путевого журнала члена-сотрудника Сибирского отдела Русского географического общества Андрея Аргентова, веденного им в 1851 г. во время поездки по Чукотской земле», ф. I, оп. I, 1853, № 14, копия, 18 листов с приложением записки Н. И. Надеждина и четырех писем.

«Чукотский словарь», 1879, р. 64, оп. I, № 31, 55 л.

Рукописная карта Чаунского края. К путешествию Андрея Аргентова, составлена Ф. Ф. Матюшкиным, хранится в Отделе картографии Географического общества. РУК 321.
